

ПРОБЛЕМА ПОДАВЛЕНИЯ ПУГАЧЕВСКОГО ВОССТАНИЯ 1773-1775 ГГ. В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

© 2014 С.С. Кочережко*

Ключевые слова: восстание Е.И. Пугачева 1773-1775 гг., пугачевщина, императрица Екатерина II, российское дворянство, восприятие, представление, мемуары, социальная психология.

Рассмотрены проблемы понимания российским дворянством пугачевского движения 1773-1775 гг. и социальной психологии дворянства екатерининской эпохи в целом. На основе мемуарных и эпистолярных источников реконструируются точки зрения дворян, выделяются различные подходы к объяснению происхождения пугачевщины, причин пугачевского восстания, способов и принципов применения карательных мер к его участникам.

Пугачевское восстание 1773-1775 гг. стало острейшим внутренним конфликтом на протяжении всего царствования Екатерины II. Будет упрощением сводить пугачевщину исключительно к крестьянско-дворянскому конфликту, но наличие этой линии в восстании не вызывает сомнений. Дворянство стало основной жертвой пугачевщины и неизбежно вынуждено было столкнуться с проблемой, как относиться к происходящим событиям, как объяснить их происхождение и какими методами бороться с бунтом¹. Неизбежно возникал вопрос о способах и принципах подавления восстания, о соотношении гуманности, патернализма, с одной стороны, и эффективности карательных мер - с другой. Именно проблема дворянского понимания способов и принципов карательных мер является предметом исследования в данной статье. Изучение этого вопроса представляется весьма существенным для реконструкции дворянского понимания пугачевского движения и изучения социальной психологии российского дворянства екатерининской эпохи в целом.

Поставленный вопрос находится на пересечении нескольких крупных историографических проблем, по каждой из которых существует весьма обширная научная литература. Это история самого пугачевского восстания, история царствования Екатерины II и российского дворянства того времени, а также история общественного сознания, включая развитие идеологии и социальной психологии сословий. Отечественные² и зарубеж-

ные³ историки несколько раз обращались к дворянскому пониманию методов и принципов подавления восстания как к самостоятельной проблеме. Однако чаще всего исследователей интересовали непосредственно события, связанные с подавлением бунта, а не их дворянская интерпретация.

Источниковую базу исследования составили около 900 источников почти 160 дворянских авторов конца XVIII - начала XIX в. Все эти источники разделяются на два основных вида: во-первых, официально-деловая и частная дворянская переписка (870 документов), а во-вторых, мемуары и дневниковые записи (24 произведения). Исследовались только письменные источники тех дворян, которые были современниками восстания 1773-1775 гг., участвовали в карательных войсках либо вынуждены были столкнуться с формированием особых отрядов из крестьян, также направившихся против восставших. Большая часть источников опубликована, некоторые не опубликованы и хранятся в фондах РГАДА и Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва), а также Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург).

Дворянские источники, касавшиеся вопросов борьбы с восстанием, почти единогласно выделяли двоякое содержание самого процесса борьбы с пугачевщиной. По их мнению, борьба с бунтом означала не только разгром вооруженных отрядов восставших,

* Кочережко Сергей Сергеевич, аспирант Самарского государственного экономического университета.
E-mail: cckoch@list.ru.

но также и восстановление “безопасности внутреннего гражданского общежития, и возвращение всех внутренних частей государственного правления опять в прежний порядок” и “повиновение законной власти”⁴.

По-разному дворяне оценивали **личную роль Е.И. Пугачева в успехах восстания**. Часть дворян, принимавших участие в подавлении бунта, была убеждена, что с поимкой Пугачева восстание немедленно прекратится, и поэтому первостепенной целью карателей видели погоню за вожаком движения. Эту позицию разделяли такие высокопоставленные участники подавления восстания, как князь Ф.Ф. Щербатов (руководитель карательных войск в период 1 мая - 8 июля 1774 г.), князь П.М. Голицын (командовавший карательными войсками в период 8 июля - 8 августа 1774 г.), московский генерал-губернатор князь М.Н. Волконский, участник созданной летом 1774 г. Секретной комиссии по поимке Пугачева П.С. Рунич и некоторые другие. Г.Р. Державин, будучи 21-летним поручиком лейб-гвардии, принял активное участие в борьбе с восстанием. По его мнению, во-первых, если Пугачев не будет взят живым и предъявлен населению, то под его именем могут появиться новые самозванцы. Во-вторых, именно с казнью Пугачева Г.Р. Державин связывал скорый конец восстания, поскольку именно “злодей Пугачев” всякий раз собирал главные силы восстания⁵.

Было и другое мнение, что “не Пугачев важен, да важно всеобщее негодование; а Пугачев - чучела, которою воры Яицкие казачи играют”⁶. Его разделяли, к примеру, А.И. Бибиков (главнокомандующий карательных войск в период 29 ноября 1773 г. - 9 апреля 1774 г.), П.И. Панин (главнокомандующий карательных войск в период 29 июля 1774 г. - 9 августа 1775 г., который завершил подавление “пугачевщины”), оренбургский генерал-губернатор И.А. Рейнсдорп. В целом, все участники подавления восстания соглашались с важностью задачи поимки Е.И. Пугачева.

Основная масса участников подавления бунта подчеркивала необходимость сочетать вооруженные методы борьбы с попытками мирного увещевания восставших. К вопросу о **степени жестокости борьбы с бунтом** можно условно выделить два подхода. Сторонники первого из них считали не только

допустимым, но и необходимым жестокое пресечение волнений, в том числе применение смертных казней, признавая попытки увещевания восставших не очень эффективной мерой. Так рассуждали, к примеру, почти всевластные главнокомандующие карательными войсками А.И. Бибиков и П.И. Панин.

Позиция А.И. Бибикова предполагала сочетание карательных и увещательных методов борьбы с восстанием, однако с преобладанием первых. Нельзя переоценивать ни “гуманность” А.И. Бибикова⁷, ни его жестокость⁸; он выступал именно за расчетливое сочетание двух методов. 7 марта 1774 г. он давал указание по поводу освобождения Уфы от бунтовщиков: “А удалившихся от домов, может быть, от страху, уверяйте их и обращение более пощадою, нежели каранием; они, увидя сохранение свое, конечно, возвращаться и в раскаяние приходят будут”⁹. Но, во-первых, это указание касается лишь тех участников восстания, которые приняли сторону Пугачева “от страху”. Для тех же, “кои в явном злодействе и предательстве окажутся, изредка и смертную казнь” полагается применить, однако именно изредка, “дабы многочисленная и частная жизнь вместо утешения и сильного действия не могла сделаться обыкновенным позорищем”¹⁰. Во-вторых, несколькими днями ранее А.И. Бибиков отчитывался перед императрицей, явно обозначая наиболее эффективные, по его мнению, методы борьбы с бунтом: “...уговоры, объяснения, самое милосердное прощение... донныне никакого действия произвести не могли и обольщенные не прежде, как страхом оружия успокоиваются, к должному повиновению приводятся”¹¹. То, что первые казни по распоряжению А.И. Бибикова были произведены только в январе 1774 г., объясняется не столько его гуманностью, сколько тем, что впервые видные вожаки восстания были пойманы лишь в начале 1774 г.

П.И. Панин обосновывал необходимость жестких методов борьбы, исходя из того, что в чрезвычайной ситуации восстания должны применяться чрезвычайные меры: “понеже обыкновенные указы гласят на обыкновенное же безмятежное государственное управление, а в случае общенародного возмущения, общие злодеем наказания и взыскания убытков, из того происшедших, единственно

зависит от собственного благоусмотрения и распоряжения самодержавной власти”¹². В этом он разделял позицию императрицы Екатерины II, которая также указывала на необходимость особого (т.е. допускавшего жестокость) порядка управления в районах, охваченных восстанием. В письме к П.И. Панину она откровенно формулировала свою точку зрения: “Хотя чувства сердца моего весьма отдалены не только от употребления суровых казней, но и самой строгости, однако признаюсь вам, что в теперешних случаях казнь нужна, по несчастю, для блага империи...”, хотя и добавляла в свойственной ей манере, что “при сем случае не иначе как мать обливающаяся слезами при нужном наказании детей своих непослушных”¹³.

Однако нельзя преувеличивать жестокость действий командующих правительственных войск. Во-первых, следует согласиться с Ю.Н. Смирновым в том, что для А.И. Бибикова и П.И. Панина “террор на практике представлял не политикой истребления, а мерой психологического воздействия”¹⁴, которая должна была отвратить потенциальных участников восстания от перехода на сторону Е.И. Пугачева. А.И. Бибиков писал императрице, что “в Тобольске из Челябинских преступников одного велел я повесить, а прочих пересечь публично для того более, чтоб подать тамо страх и удержать злые сердца от подобного вероломия”¹⁵. Во-вторых, казни применялись ими исключительно в отношении тех восставших, чьи преступления были наиболее жестокими.

Но нужно учесть и то, что умеренность в применении жестоких методов заканчивалась, когда дело касалось восставших “инородцев” - представителей нерусских народов Поволжья. К примеру, оренбургский губернатор А.И. Рейнсдорп и нижегородский губернатор Е.А. Ступишин дозволяли “в ближних башкирских селениях, из коих башкирцы находятся при Пугачеве, деть буде возможно шкodu дозволяя имущества разбивать и жен и детей тревожить”. Воеводе Исетской провинции Веревкину “предписано манифестами всячески удерживать в повиновении казаков и башкирцев... а ушедших имущество дозволить грабить, и жен и детей разбирать по себе”¹⁶.

Другая точка зрения исходила из признания первостепенного значения увещева-

тельных методов над применением силы и принципа наименьшей жестокости. Последователь А.И. Бибикова на посту главного карателя князь Ф.Ф. Щербатов неизменно предписывал своим подчиненным в первую очередь пытаться увещевать взбунтовавшихся, и только после того, как эти попытки окажутся безуспешными, вступать в военное столкновение¹⁷. Также Ф.Ф. Щербатов, исходя из изменившегося положения (ему казалось, что было достигнуто “истребление везде главных злодейских сил”), высказывался за прекращение практики сжигания домов восставших в их селениях, стараться “ласкою и снисхождением приводить их в признание вины своей”¹⁸. А.В. Суворов, принимавший участие в борьбе с пугачевщиной, в обеих своих биографиях ставил себе в заслугу, что боролся с бунтовщиками бескровно, в первую очередь “усмирял человеколюбивою ласкостию, обещанием высочайшего императорского милосердия” и “политическими распоряжениями и военными маневрами”¹⁹. Но Ф.Ф. Щербатов весьма неудачно командовал карательными войсками, а А.В. Суворов принимал участие в борьбе с бунтом только в сентябре-октябре 1774 г.

Однако, как показал опыт пугачевщины, наиболее эффективным подходом оказался первый, основанный на жесткой системе карательных мер.

Особый интерес представляет проблема дворянской оценки **использования крестьян в борьбе с пугачевщиной**. Местное дворянство в основной массе не пожелало принять участия в подавлении восстания, а только на некоторое время и в некоторых регионах согласилось сформировать из своих крепостных “уланские” отряды, которые были выставлены против бунтовщиков. Такие отряды начали формироваться дворянами с подачи императрицы и А.И. Бибикова в начале 1774 г. Первый пример подали казанские дворяне: 1 января 1774 г. дворянское собрание в Казани приняло решение выставить за свой счет вооруженный корпус - по 1 крестьянину с 200 душ²⁰. Руководил каждым из таких корпусов “шериф” из местных дворян, но в целом они находились в подчинении главнокомандующего карательными войсками. Императрица очень высоко оценила поступок казанских дворян и попросила у

них разрешения стать казанской помещицей, на что они ответили восторженным согласием²¹. Это был не только поощрительный жест, но и реальная помощь казанскому дворянству, поскольку императрица также выставила крестьянские отряды с принадлежавших ей земель. Такие “уланские корпуса” были созданы симбирскими, пензенскими, саранскими, свияжскими и некоторыми другими дворянскими обществами, но запал дворянства достаточно быстро угас. К примеру, в Москве реализовать эту идею так и не удалось, несмотря на усилия генерал-губернатора М.Н. Волконского. Был избран командующий корпусом, которым стал граф П.Б. Шереметьев²², но необходимых денег московские дворяне так и не нашли. А уже в начале лета 1774 г. дворяне прекратили снабжать “уланские корпуса”: 25 июня 1774 г. тогдашний главнокомандующий карательными войсками князь Ф.Ф. Щербатов спрашивал у императрицы, из каких источников ему финансировать эти отряды, поскольку “дворянские корпуса - казанский, симбирский, пензенский и саранский - одев и вооружа своих людей... положили содержание им жалованьем и провиантом из содейственного своего иждивения только на два месяца, а сие время прошло”²³. Таким образом, дворянство прекратило снабжать эти отряды еще до разгрома основных сил восставших и даже до поимки самого Е.И. Пугачева. Окончательно такие корпуса были распущены П.И. Паниным в декабре 1774 г. в связи с разгромом основных сил бунтовщиков и начинающимся голодом²⁴.

Примечательно, что многие дворяне, непосредственно участвовавшие в формировании таких крестьянских отрядов, были крайне неуверены в их боеспособности и верности императрице. А.Т. Болотов, И. Заворотков и Г.Р. Державин, принимавшие участие в формировании “уланских корпусов”, сталкивались с нежеланием крестьян участвовать в них: А.Т. Болотову даже чуть не пришлось бросать жребий, чтобы определить набираемых в отряды крестьян. Некоторые крестьяне, назначенные на службу в “уланских корпусах”, открыто заявляли свою позицию: “Мы де служить хотим государю”²⁵ или “Стал бы и бить свою братию? Разве вас, бояр, так готов буду десятерых посадить на копье сие”²⁶. Поэтому А.Т. Болотов считал крестьянские

отряды эффективными лишь для успокоения женщин в его семье, видя в них угрозу не восставшим, а самим дворянам: “Но, ах! что могут сделать эти бородачи?.. Да и чего говорить, они первые готовы будут к нему передаться и против самих же нас обратить оружие свое... как жаль, что наши войска и армия далеко и не успела сюда возвратиться, а без ней что мы сделаем: передуют нас всех, действительно, как кур”²⁷.

Итак, признавая формирование крестьянских отрядов неизбежностью (ввиду недостатка правительственных войск, оттянутых на русско-турецкую войну до заключения Кючук-Кайнарджийского мира), многие дворяне не выражали сомнения в их эффективности, а другие вообще не приняли участия в их формировании.

Следующей темой для высказывания дворянских мнений стал вопрос о **дальнейшей судьбе участников восстания**, об определении наказания за их проступки и преступления. Двумя главными принципами наказания восставших дворяне признавали следующие:

1. Соразмерность наказания совершенному преступлению, из чего следовала неизбежность дифференциации участников восстания по группам. Сама ситуация, когда в бунте приняли участие огромные массы населения, делала невозможным наказать всех, что заставляло карательные и следственные органы ранжировать степень наказаний. Вместе с тем выделение нескольких групп среди подлежащих наказанию обеспечивало решение главной задачи - умиротворение восставших. П.С. Потемкин писал, что “наказывая преступников по мере важности вины, уменьшаю наказания чистосердечно в раскаянии приходящим, ободряю верных вашего величества рабов и всевозможное прилагаю старание привести их развращенные сердца в порядок”²⁸. Наконец, сама императрица, усвоившая идеи итальянского мыслителя и правоведа XVIII в. Чезаре Беккариа и показывавшая себя сторонницей либеральной правовой идеологии²⁹, в своих письмах постоянно указывала на необходимость реализовать принцип соразмерности преступления и наказания на практике.

Дворяне предлагали различные критерии дифференциации восставших по степени тя-

жести преступлений. Самые простые подходы заключались в разделении восставших на две группы: на раскаявшихся (вернувшихся в покорность) и продолжающих бунтовать³⁰, либо на “самых виновных” и “не столько виноватых”³¹. Более дифференцированным был подход, применявшийся местными руководителями карательных и следственных отрядов С.И. Мавриным, И.Л. Тимашевым, И.Е. Цыплетевым и др. Согласно этому подходу, нужно было выделить среди участников восстания три большие группы на основании мотивации их перехода на сторону пугачевцев: первая группа - “лютые бунтовщики” и “впавшие в злодеяние” (их “естли и сами будут являться, щадить не должно”), вторая - случайно обольщенные, но “передавшиеся самоохотно” восставшим, и, наконец, третья - силой взятые в стан восставших³².

Одна из самых разработанных классификаций участников восстания по степени их вины содержится в Примечаниях Тайной экспедиции Сената на решения казанской и оренбургской секретных комиссий, написанных летом 1774 г. Они были приложены к письму Екатерины II П.С. Потемкину от 18 июля 1774 г. и выделяли шесть групп среди восставших:

1) “преступник, который пристал в толпу злодеев из доброй своей воли и делал вообще стою толпою злодейскую убийства верноподданных и других к тому соглашал, и был между злодеев командиром;

2) которой пристал к той толпе по крайности, не имел ни малейшего способа по превосходству сил злодеев тому противляться, а приставши так не ж делал злодеяний;

3) приставший волею, а злодейств и убийств, имел случай, не делал, равно и других к злодейству не склонял;

4) пойманный, который отлучась от злодеев добровольно, но однако же сам с раскаянием не явился как же сии преступники разных родов, то и преступники должны быть называемы, раз меряем каждого по их деяниям;

5) делал вредные разглашения, а сам описанных злодейств не чинил;

6) который сам добровольно по силе опубликованного манифеста ей императорского величества пришед в раскаяние явится где в команде, то хотя был он, кроме убийства и

чинил злодеяния; но оный по исследованию что он чистосердечно решается о содеянном им зле пользуется описанной в манифесте высочайшею ей императорского величества милостию”³³.

Также выделялась седьмая группа - “командиры”, т.е. дворяне, военачальники, представители местных властей, перешедшие на сторону восстания.

2. Важность воспитательно-предупредительной функции наказания, из чего следовала неизбежность публичности наказания. Начальник Казанской секретной комиссии и комендант Казани П.С. Потемкин отмечал, что “предупреждать зло гораздо свободнее, нежели его удерживать”³⁴. Не только участвовавшие в подавлении восстания (А.И. Бибииков, М.Н. Волконский, П.И. Панин, Г.Р. Державин, А.А. Вяземский), но также помещики (М.А. Слесарев) и “сторонние наблюдатели” (Г.Г. Орлов, находившийся в 1774 г. за границей) указывали на неизбежность казней и на то, что казни должны иметь воспитательные цели, должны носить не массовый, а “примерный” - публичный характер, т.е. решать не столько карательные, сколько воспитательные и предупреждающие задачи (чтобы “больше утратить колеблющуюся чернь и привести в повиновение”³⁵). Не случайно М.Н. Волконский казнь Е.И. Пугачева в Москве “приноровил... в торговый день, то многое число крестьян, на торг приехавших, в числе зрителей были”³⁶.

Итак, рассмотрев некоторые вопросы, связанные с дворянским восприятием подавления восстания 1773-1775 гг., можно сделать следующие выводы. Советская историография во многом излишне упрощенно трактовала позицию дворянского сословия в отношении пугачевщины: считалось, что у правительственного лагеря была единая позиция в восприятии восстания в целом и его подавлении в частности. Изучение источников показало, что на самом деле даже среди участников подавления бунта были различные точки зрения о характере бунта, его причинах, социальной базе и способах подавления.

Степень жестокости наказания для восставших определялась достаточно гибко на основе тяжести их преступления, а также на основе ведущего мотива, который заставил

их принять сторону Е.И. Пугачева. Этот подход разрабатывался на местах отдельными представителями карательных и следственных органов, а также получил официальное оформление в документации Тайной экспедиции Сената и одобрение со стороны императрицы. Однако, помимо этого, степень жестокости наказания определялась и другими факторами, в том числе национальной и сословной принадлежностью (как было показано выше, в отношении «инородцев» и казаков дозволялись наказания, от которых страдали жители целых селений). Вряд ли можно признать влияние идеологии Просвещения как ведущий фактор, оказавший воздействие на формирование такого отношения дворян к карательным мерам; подобные идеи самостоятельно возникали у самих участников борьбы с бунтом.

В целом, двумя главными принципами наказания пугачевцев участники карательных войск и следственных органов признавали необходимость соразмерности наказания преступлению и значительную роль психологического воздействия (что делало неизбежным публичный характер наказания). При этом местное дворянство в основной массе отнеслось к подавлению восстания пассивно: хотя в некоторых регионах были созданы карательные «уланские корпуса» из крепостных, которые находились под командованием местного дворянства, но это было сделано далеко не во всех районах, охваченных восстанием и непосредственно примыкавших к таковым. Также дворяне достаточно быстро прекратили финансирование таких отрядов, причем сделано это было еще до разгрома основных сил восставших и поимки самого Е.И. Пугачева. Таким образом, значительная часть дворянства полностью рассчитывала на государство и не стремилась участвовать в борьбе с бунтом.

¹ См., например: *Кочережко С.С.* Представления о причинах Пугачевского восстания 1773-1775 гг. в контексте социальной психологии российского дворянства последней трети XVIII - начала XIX вв. // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2013. № 6 (104). С. 159-165.

² См.: *Зарубина А.В.* Социальная психология российского дворянства второй половины XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; *Елисеева О.И.* Повседневная жизнь благородного сословия в зо-

лотой век Екатерины. М., 2008. С. 414-421; *Марсинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999. С. 227-229; *Овчинников Р.В.* Следствие и суд над Е.И. Пугачевым и его сподвижниками. М., 1995. С. 9, 16; *Смирнов Ю.Н.* Заволжский очаг и район восстания 1773-1775 годов // Поволжье - «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI - начало XX вв.). Самара, 2007. С. 154-155.

³ См.: *Александр Дж. Т.* Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773-1775 гг. Уфа, 2011. С. 98-99, 118-119; *Каррер д'Анкокс Э.* Екатерина II. Золотой век в истории России. М., 2006. С. 142; *Паскаль П.* Пугачевский бунт. Уфа, 2010; *John T. Alexander.* Western Views of the Pugachov Rebellion // The Slavonic and East European Review, XLVIII, 113. Cambridge, 1970.

⁴ Письмо Панина П.И. Екатерине II (август 1774 г.) // Записки Императорской Академии Наук. СПб., 1863. Т. III. Приложения № 4. С. 23; Письмо Панина П.И. Екатерине II от 13 августа 1774 г. // СИРИО. Т. VI. СПб., 1871. С. 106.

⁵ *Державин Г.Р.* Записки (1743-1812). М., 1860. Т. III. С. 65, 79.

⁶ Письмо Бибикова А.И. Фонвизину Д.И. от 29 ноября 1774 г. // *Бибиков А.А.* Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова. М., 1865. С. 76.

⁷ *Смирнов Ю.Н.* Указ. соч. С. 152.

⁸ *Овчинников Р.В.* Указ. соч. С. 10-13.

⁹ Ордер Бибикова А.И. генерал-майору Ларионову от 7 марта 1774 г. // Пугачевщина. М.;-Л., 1931. Т. 3. С. 245.

¹⁰ Наставление Бибикова А.И. подполковнику Лазареву от 28 января 1774 г. // Пугачевщина. М.; Л., 1931. Т. 3. С. 241.

¹¹ Письмо Бибикова А.И. Екатерине II от 2 марта 1774 г. // Записки Императорской Академии Наук. СПб., 1862. Т. I. Приложения № 4. С. 61.

¹² Ордер Панина П.И. Мещерскому П. от 13 декабря 1774 г. // Пугачевщина. Т. 3. С. 343.

¹³ Собственноручное письмо Екатерины II П.И. Панину от 2 сентября 1774 г. // СИРИО. Т. VI. С. 119-120.

¹⁴ *Смирнов Ю.Н.* Указ. соч. С. 154.

¹⁵ Письмо Бибикова А.И. Екатерине II от 15 февраля 1774 г. // Записки Императорской Академии Наук. СПб., 1862. Т. I. Приложения № 4. С. 55.

¹⁶ См.: *Журнал Рейнсдорпа* // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 17 т. Т. 9. Кн. 2. С. 525; *Осада Оренбурга (Летопись Рычкова)* // Там же. С. 255; *Рапорт коменданта Верхояицкой дистанции Ступишина Е.А. Рейнсдорпу И.А. от 28 февраля 1774 г.* // *Крестьянская война 1773-1775 гг. на территории Башкирии.* Уфа, 1975. С. 101.

¹⁷ Письмо Щербатова Ф.Ф. Екатерине II от 20 мая 1774 г. // РГАДА. Ф. 6, оп. 1, д. 497, л. 12 (об.), 13.

¹⁸ Ордер Щербатова Ф.Ф. Бишмакову М.И. от 26 апреля 1774 г. // Пугачевщина. Т. 3. С. 251.

¹⁹ Суворов А.В. Автобиография (1790 г.) // Суворов А.В. Походы и сражения в письмах и записках. М., 1990. С. 48-49.

²⁰ Определение казанского дворянства о собрании конного корпуса войск из своих людей против Пугачева // ЧОИДР. 1864. Кн. 3/4. Отд. 5. С. 105-107.

²¹ Речь благодарственная императрице от казанского дворянства // Бибииков А.А. Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибиикова. Приложения. С. 55-56.

²² Записки сенатора Павла Степановича Рунича // Русская старина. 1870. Т. 2. СПб., 1875. С. 94.

²³ Письмо Щербатова Ф.Ф. Екатерине II от 25 июня 1774 г. // РГАДА. Ф. 6, оп. 1, д. 497, л. 29.

²⁴ Письмо Панина П.И. Екатерине II от 5 декабря 1774 г. // СИРИО. Т. VI. С. 196-197.

²⁵ Рапорт секунд-майора и Далматовского экономического казначея Завороткова И. в Казанское экономическое правление от 31 января 1774 г. // Пугачевщина. Т. 3. С. 29.

²⁶ Записки Андрея Тимофеевича Болотова. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 440-441.

²⁷ Там же. Стб. 437-438.

²⁸ Письмо Потемкина П.С. Екатерине II от 17 августа 1774 г. // Русская старина. Т. 2. 1870. С. 405.

²⁹ Болгова В.В. К проблеме типологии правовой идеологии // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2012. № 11 (97). С. 112-113.

³⁰ Письмо Потемкина П.С. Панину П.И. от 12 ноября 1774 г. // Крестьянская война 1773-1775 гг. на территории Башкирии. С. 262.

³¹ Державин Г.Р. Указ. соч. С. 60.

³² См.: Письмо Маврина С.И. Потемкину П.С. от 7 августа 1774 г. // ОР РГБ. Ф. 222, к. 9, д. 1, л. 4, 6; Письмо Маврина С.И. Потемкину П.С. (без даты) // Там же. Л. 2 - 2 (об.); Письмо Маврина С.И. Потемкину П.С. от 31 августа 1774 г. // Там же. Л. 18 (об.); Рапорт Тимашева И.Л. Голицыну П.М. от 11 июня 1774 г. // Крестьянская война 1773-1775 гг. на территории Башкирии. С. 188; Рапорт Цыплетова И.Е. Панину П.И. от 5 сентября 1774 г. // Пугачевщина. Т. 3. С. 312-313.

³³ Примечания Тайной экспедиции Сената на решения казанской и оренбургской секретных комиссий (лето 1774 г.) // РГАДА. Ф. 6, оп. 1, д. 508, ч. 1, л. 65-70.

³⁴ Донесение Потемкина П.С. Екатерине II от 29 августа 1774 г. // Записки Императорской Академии Наук. СПб., 1875. Т. XXV. Приложения № 4. С. 38.

³⁵ Державин Г.Р. Указ. соч. С. 69, 91.

³⁶ Письмо Волконского М.Н. Екатерине II от 6 сентября 1774 г. // Осьмнадцатый век. Кн. 1. М., 1868. С. 125.

Поступила в редакцию 12.11.2013 г.